

X. ROOTS, U. SYGEL

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЭСТОНСКОЙ ССР В УСЛОВИЯХ ЗРЕЛОГО СОЦИАЛИЗМА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

1. Введение

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало осуществлению в нашей стране программно положения марксизма-ленинизма о построении общества, в котором не будет деления людей на классы. Основные пути достижения этой цели были намечены В. И. Лениным еще в 1919 г.: «...ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различия между городом и деревней, так и различия между людьми физического и умственного труда. Это — дело очень долгое» [1].

За прошедшие десятилетия под руководством ленинской партии достигнуты немалые успехи в сближении классов и социальных групп, составляющих наше общество. Построенное в СССР общество зрелого социализма уже является в известной степени социально однородным, ибо это — общество трудящихся. Но это еще не полная социальная однородность, поскольку сохраняются существенные различия между классами, социальными группами и слоями, обусловленные двумя формами социалистической собственности, различиями в характере и содержании труда, роли в общественной организации труда и вытекающими отсюда различиями в сфере распределения.

С построением зрелого социализма в многогранной деятельности КПСС по руководству развитием общества существенно возрастает роль ее социальной политики. Seriously обогатил наши взгляды новыми выводами и обобщениями по вопросам социально-политического и духовного развития советского общества XXVI съезд КПСС, указавший на необходимость сосредоточения социальной политики партии на преодолении различий, выходящих за рамки отдельных классов, в том числе на выравнивании социальных различий в территориальном плане. Исключительное значение имеет высказанное Л. И. Брежневым на съезде предположение, что «...становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма» [2, с. 53].

Совершенствование социально-классовой структуры советского общества было и остается, таким образом, одной из важнейших составных частей социальной политики КПСС, направленной на достижение полной социальной однородности общества и полного фактического равенства всех его членов. Разработка проблем социальной структуры

развитого социалистического общества — одна из важнейших целей, поставленных перед общественными науками XXVI съездом КПСС [2, с. 145—146].

За последние годы советскими историками и социологами достигнуты значительные результаты в освещении различных сторон социальной динамики нашего общества. Прделана определенная работа по изучению ленинского наследия по этим проблемам [3]. Создан ряд трудов, обобщающих основные закономерности отдельных этапов развития социальной структуры СССР [4]. Решаются проблемы изучения развития отдельных классов и социальных групп в условиях зрелого социализма [5]. Появились работы о развитии социально-классовых отношений в союзных республиках [6]. Возрос интерес к проблемам социальной структуры социалистических [7] и капиталистических [8] стран.

На этом общем фоне авторы * данной статьи попытались дать обзор основных направлений изучения динамики социальной структуры Эстонской ССР в условиях развитого социализма, показать достигнутые результаты и выявить, по мере возможностей, имеющиеся «белые пятна».

2. Общие проблемы

В эстонской советской историографии в настоящее время сложилась довольно богатая по количеству названий литература, освещающая самые различные стороны динамики социальной структуры республики и отдельных ее элементов в условиях зрелого социализма. Из-под пера историков [9] и социологов [10] республики вышли и *первые обобщающие труды*, раскрывающие основные тенденции и механизмы современного социального развития. Кроме проблем своей республики в работах эстонских ученых нашли отражение также характерные черты социально-классовой структуры всего прибалтийского региона [11] и СССР в целом [12].

Вышедшая в 1976 г. монография Р. Пуллата «Социальная структура Советской Эстонии» примечательна тем, что это первое в историографии монографическое исследование, специально посвященное анализу социально-классового развития Эстонской ССР. В книге освещаются такие проблемы, как общая динамика численности населения, рост городов, рабочего класса и интеллигенции, развитие социальной структуры сельского населения. Базой для написания работы автору послужили опубликованные результаты Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг., на сопоставлении которых и основываются его главные выводы, а также официальные данные госстатистики.

Несколько иная постановка проблем — в коллективной монографии «Социологические очерки о Советской Эстонии» (составители — Ю. Арутюнян и Ю. Кахк), где дана многоплановая и обстоятельная характеристика современных социальных процессов в сфере труда, семейной и культурной жизни, в развитии национальных отношений. Хотя книга и не посвящена специально проблемам социально-классовой структуры, в ней содержится ценный материал о развитии межпоселенческих агломераций, территориальной и социальной мобильности населения, о ценностных ориентациях, культурной и общественной активности представителей разных социальных и национальных групп. Некоторые данные о социально-профессиональном составе разных национальных групп, проживающих в Эстонии, об их активности в области культуры можно найти и в монографии Ю. Кахка «Черты сходства», посвященной вопросам этносоциологии [13]. Проблемы на-

* Разделы о социальном развитии села и социальных перемещениях написаны У. Сыгелем, остальные — Х. Роотсом.

ционально-социальной структуры Эстонии рассматриваются также в работах В. Маамяги и К. Халлик [14].

Заслуживает внимания идея построения модели социально-культурного развития республики, выдвинутая в статье «Советская Эстония сегодня» Ю. Кахком и Э. Ранником. Имеющийся в распоряжении авторов эмпирический материал позволил им начертать и основные контуры этой модели. В частности, они утверждают, что в современных условиях в нашей республике почти нет существенных различий между городом и деревней по таким показателям, как социальная структура, условия жизни, характер и интенсивность мобильности населения [15]. Хотя в статье и приводятся некоторые результаты опросов занятого населения Эстонской ССР, частично подтверждающие подобное мнение, думается все же, что авторы несколько поспешили отменить социальные различия между городом и деревней, явно недооценив один из главных их источников — различия в характере и содержании труда.

Возрастающее в условиях зрелого социализма значение социальной политики партии в поступательном движении общества побудило исследователей обратиться к вопросам *партийного руководства социальным развитием*. Появились статьи, в которых раскрывается руководящая роль партии в регулировании социальных процессов на уровне региона и республики [16], социального слоя [17], производственного коллектива [18]. Рассматривается также обратная связь — воздействие социальной динамики общества на развитие самой партии [19]. Указанная взаимосвязь требует, конечно, дальнейшего изучения, как в плане эмпирическом, так и теоретическом. В частности, для упорядочения понятийного аппарата, предстоит выявить диалектическую взаимосвязь между категориями «социальная структура общества» — «социальная база партии» — «социальный состав партии».

Социологи и историки Эстонии и сейчас занимаются *разработкой методологических проблем* социальных исследований, пытаются теоретически обобщить и критически осмыслить не только эмпирический материал [20], но и труды своих коллег [21]. Принципиальное значение имеет, например, выдвинутая в работах М. Титма идея о необходимости более эффективной реализации в общественной практике сформулированного классиками марксизма закона перемены труда, введения системы поэтапного продвижения в сфере труда вместо действующей ныне системы пожизненного закрепления труда и социального положения. Ряд интересных проблем затронут также в статьях В. И. Пароля. В частности, он рассматривает противоречивость процессов развития технического и социального начал современного производства, усиление внутрикласовой дифференциации рабочего класса, развитие промежуточных слоев и групп, воплощающих качества смежных социально-классовых общностей (рабочие-интеллигенты, интеллигенты-рабочие, рабочие-служащие, служащие-рабочие, интеллигенты-практики и др.), возрастание воздействия социально-бытового и социально-культурного факторов на социально-классовые процессы, необходимость усилить дифференцированность в проведении социальной политики и т. д.

Нельзя забывать и о большом количестве *научно-популярных и просто популярных публикаций*, предназначенных для самого широкого круга читателей [22]. Это тоже труды, пропагандистское и идейно-воспитательное значение которых нельзя недооценивать.

3. Развитие отдельных классов и социальных групп

В конце 60-х и начале 70-х годов основным центром исследования *проблем рабочего класса* Советской Эстонии была кафедра истории КПСС Таллинского политехнического института, выпустившая к этому

Время ряд тематических сборников статей [23]. Во второй половине 70-х годов ведущее положение в разработке этой проблематики занял созданный в 1974 г. сектор истории периода социализма Института истории АН ЭССР, приступивший к подготовке обобщающего труда по истории рабочего класса республики. В связи с этим в исследовательской тематике центр тяжести был перенесен с проблем трудовой и политической активности рабочих на проблемы количественного и качественного развития класса, т. е. наряду с вопросом «Что он делает?» исследователи начали задаваться и вопросом «Кто он?». Более глубоко стали изучать такие характеристики рабочего класса, как отраслевая и профессионально-квалификационная структура, половозрастной и национальный состав, стаж работы, общеобразовательный уровень [24]. Внутриклассовая структура рабочих стала одной из центральных тем исследования [25].

В 1978 г. вышла в свет книга Е. Мадис и Э. Гречкиной «Рабочий класс — решающая сила десятиятилетки» — первое в республике монографическое исследование, посвященное укреплению ведущей роли рабочего класса в условиях развитого социализма [26]. В ней анализируются факторы, обуславливающие ведущую роль рабочего класса, раскрываются основные формы ее проявления в различных сферах общественной жизни.

Диапазон исследований расширился. Внимание историков и социологов стали привлекать отдельные отряды, группы и слои рабочего класса [27], а также последствия для него научно-технической революции [28] и другие проблемы. В условиях хронического дефицита рабочей силы в республике стало очень актуальным изучение закономерностей формирования рабочих кадров, источников и форм их пополнения [29]. На современном этапе социального развития, когда укрепление ведущей роли рабочего класса основывается уже не на бурном численном росте его рядов, а на глубоких качественных изменениях в его составе, растет необходимость в более основательном изучении проблем, связанных с культурно-техническим уровнем рабочих [30]. В этом направлении предстоит еще серьезно поработать как историкам, так и социологам Советской Эстонии. Следует сказать, что социологическое изучение рабочего класса республики только начинается. Исследования, конечно, проводились и ранее, но в основном в рамках составления планов социального развития отдельных производственных коллективов, а результаты их не получили должного обобщения и распространения. В этой связи следует оценить выход в свет в 1981 г. небольшой по объему коллективной монографии «Молодой рабочий и наша жизнь» (на эстонском языке, составитель — М. Титма), в которой на материалах конкретно-социологических исследований анализируются пути формирования молодой смены рабочего класса, дается социологический портрет современного молодого рабочего Эстонии [31].

Дальнейшее развитие должны получить и историко-партийные исследования рабочего класса, разработка таких проблем, как деятельность партии по укреплению ведущей роли рабочего класса, роль рабочего класса в укреплении и развитии социальной базы партии, диалектическая взаимосвязь понятий «руководящая роль партии» — «ведущая роль рабочего класса» и т. д.

Изучением *социального развития села* (главным образом — социально-экономического) в условиях развитого социализма до последнего времени занимались, в основном, социологи, экономисты и демографы. С середины 70-х годов к ним подключились и историки. Была начата подготовка трехтомной истории эстонского крестьянства, последний том которой охватывает период строительства социализма

и коммунизма (до 1975 г.). Вышли в свет и первые работы историко-графического характера, посвященные изучению социальных проблем села [32]. В трудах историков и экономистов более полно рассмотрены вопросы развития сельскохозяйственного производства, производительных сил деревни. В 1976 г. был опубликован сборник статей «О развитии социалистического сельского хозяйства в Советской Эстонии» (на эстонском языке, гл. ред. Э. Тынурист, составители В. Ярв и Ю. Какк), в котором отражены основные этапы развития социалистического сельского хозяйства, проблемы социального развития села, вопросы развития производительных сил в сельском хозяйстве [33]. В этой книге основное внимание историков было уделено освещению проблем периода до 1965 г. Экономисты, социологи и практики сельского хозяйства как в этом сборнике, так и в других своих публикациях [34], рассмотрели также некоторые вопросы современного развития сельского хозяйства. На уровне диссертации взаимосвязь различных сторон социального развития села (1959—1975 гг.) была проанализирована в работе У. Сыгеля [35].

Освещение проблем социально-классовой и, в частности, внутри-классовой дифференциации сельского населения республики находится, однако, еще в начальной стадии. Затронуты лишь отдельные ее аспекты: рабочий класс в социальной структуре села, изменения в структуре колхозного крестьянства, формирование и развитие сельской интеллигенции [36]. Дальнейшее расширение тематики и углубление исследовательской работы в этой области потребует от ученых еще немалых усилий. В частности, в историографии почти полностью отсутствуют работы о социальных последствиях агропромышленной интеграции.

Социологическое изучение села ведется в республике в нескольких научно-исследовательских центрах, причем каждый из них имеет свою специфику, свое направление работы. Под руководством Ю. Какка и Э. Ранника в Институте истории АН ЭССР достигнуты немалые успехи в освещении развития различных сторон социальной структуры села [37]. Большое практическое значение, с точки зрения планирования демографического развития деревни, имеют публикации по проблемам социально-демографических изменений в эстонской деревне [38]. Ведущее положение в этой области имеет кафедра экономической географии Тартуского государственного университета, где ведется также исследование миграционных процессов, сельского расселения и т. д. [39]. Крупным исследовательским центром является и Эстонская сельскохозяйственная академия, где под социологическое наблюдение взяты несколько сельских районов республики. В трудах ученых сельскохозяйственной академии рассматриваются и такие проблемы, как количественное и качественное изменение рабочей силы в сельском хозяйстве, стабильность кадров и т. д. [40].

Приходится, однако, отметить и некоторые недостатки в социологическом изучении села республики — центры зачастую параллельно работают над этой тематикой, их действия слабо координируются, результаты исследований не всегда сопоставимы и т. д. Хотелось бы в перспективе увидеть также более тесное сотрудничество между социологами и историками в области изучения социальных проблем села на современном этапе.

Как подчеркнул XXVI съезд КПСС, самая быстрорастущая группа в нашем обществе — интеллигенция [2, с. 53]. В занятом населении Эстонской ССР она составляет вместе со служащими-неспециалистами 32,1% [41], причем, по данным всех трех послевоенных переписей населения (1959, 1970, 1979 гг.), Советская Эстония была и осталась по этому показателю на первом месте среди союзных республик.

В *историографии народной интеллигенции* Советской Эстонии получили освещение, кроме самых общих тенденций развития [42], в основном проблемы формирования и роста ее технического [43] и сельского [44] отрядов. Наибольшее внимание ученые уделяли научной интеллигенции [45]. Фактически нет ни одного специального исследования, посвященного интеллигенции творческой, административной, педагогической, медицинской.

В 1973 г. вышла из печати монография К. Мартинсона «Ученый и научная публикация в Эстонской ССР» (на эстонском языке), в которой на основе статистических и архивных материалов дан первый в историографии обстоятельный анализ роста численности научных кадров в республике по отдельным отраслям науки, приведены данные о повышении работниками своей научной квалификации. Отдельно рассмотрена статистика научных работников Академии наук Эстонской ССР как самой крупной научной организации в республике. Большой интерес представляют, в частности, выводы автора о продуктивности научной работы. На основе сравнительного анализа темпов роста количества научных книг и численности научных работников автор пришел к заключению, что разрыв между ними непрерывно возрастает, а продуктивность труда ученых в издании научной литературы постоянно падает. Получается, что количество издаваемых в Эстонской ССР научных книг зависит в первую очередь не от роста численности научных работников, а от каких-то лежащих за пределами науки факторов.

В брошюре У. Мересте «Ученые Советской Эстонии в эпоху научно-технической революции» (1976 г., на эстонском языке) приведены сравнительные данные о количественных и качественных изменениях в составе научных кадров Эстонской ССР и других союзных республик. Автор показывает, что темпы роста численности научных работников в Эстонской ССР существенно ниже, а уровень их научной квалификации, наоборот, значительно выше соответствующих средних показателей по стране.

Обстоятельный анализ динамики и структуры интеллигенции в целом дан в статье И. Аймре и В. Або «Изменение структуры интеллигенции ЭССР в период строительства развитого социализма» [46], в которой на основе авторских пересчетов данных переписей населения 1959 и 1970 гг. рассматривается развитие ее основных социально-профессиональных групп — работников управления, технической интеллигенции, специалистов сельского хозяйства, медицинских работников, художественной и научной интеллигенции, работников просвещения и культуры. Выявлены не только пропорции между этими отрядами, но определен коэффициент образования и средний возраст каждого из них, динамика удельного веса женщин по отдельным группам. Полученные авторами результаты не подтверждают распространенного представления о незначительном удельном весе «практиков» в числе интеллигенции. В ЭССР «практики» составляют, в зависимости от сферы деятельности, от одной пятой до одной третьей интеллигенции. Самый емкий их слой — среди работников управления и сферы искусства. Управленческая интеллигенция отличается к тому же самым высоким, по сравнению с другими отрядами, средним возрастом, и незначительной долей женщин в своем составе. Подобные различия между социально-профессиональными отрядами интеллигенции авторы рассматривают в основном, как результат «потребностей конкретной сферы народного хозяйства...» [46, с. 54]. Обращает на себя внимание также предположение авторов, что «...в перспективе женщины займутся в основном умственным трудом, а мужчины — физическим» [46, с. 58].

По сравнению с уровнем, достигнутым в разработке проблем формирования и развития основных классов общества, динамика и структура эстонской интеллигенции изучены все же весьма слабо, а такая, например, актуальная научно-практическая проблема, как «Коммунистическая партия и интеллигенция Эстонии» еще даже не вошла в тематику историко-партийной науки.

4. Воспроизводство социальной структуры

Существенный вклад внесли эстонские социологи в разработку проблем *роли семьи в воспроизводстве социальной структуры*.

В работах А. Келам, в частности в ее брошюре «Семья в Эстонской ССР: социологический портрет» (1980 г., на эстонском языке), проведена социально-демографическая типологизация эстонских семей и эмпирически определена частота встречаемости отдельных типов семей по социальным группам [47]. Большой интерес представляет также переход в исследовательской практике от традиционного в госстатистике определения социального происхождения индивида по социальной принадлежности его отца к учету социальной принадлежности обоих родителей [48] и далее — к построению социально-классовой типологии семьи [49]. Распределение семей на социально-гомогенные и социально-гетерогенные, с небольшими вариациями в зависимости от конкретного материала, стало довольно широко и плодотворно применяться в различных исследованиях сектора социальной структуры Института истории АН ЭССР [50]. Однако проводившиеся конкретно-социологические исследования были в основном направлены на выявление влияния социального происхождения на процесс формирования специалистов с высшим образованием. По отношению к другим социальным группам и классам такой исследовательской задачи пока не ставили. Некоторое представление о роли семьи в формировании молодого поколения рабочих дают частично опубликованные в монографии «Молодой рабочий и наша жизнь» данные панельного исследования поступивших на работу выпускников средних школ республики 1966 г., их социального и профессионального продвижения к 1969 и 1976 гг. [51] в зависимости от социального положения родителей. Для того, чтобы представить процесс воспроизводства рабочего класса республики в целом, этого, конечно, недостаточно.

Исследование проблем воспроизводства социальной структуры общества *в системе образования*, в особенности — в высшей школе, безусловно можно считать одним из наиболее развитых и результативных направлений работы эстонских социологов [52]. Разработка данной проблематики была начата в Тартуском государственном университете и сконцентрирована в созданной в 1969 г. лаборатории коммунистического воспитания студенчества. Исследования в этой области получили дальнейшее развитие в секторе социологии молодежи, созданном в 1975 г. в Институте истории АН ЭССР. Большое значение как в теоретическом, так и в практическом плане имело проведение в вузах республики в 1973—1974 гг. всесоюзного сравнительного исследования «Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества» под общим руководством М. Н. Руткевича [53]. В 1977—1978 гг. эстонские социологи под руководством М. Титма приняли участие в международном сравнительном исследовании «Влияние высшего образования на развитие социальной структуры социалистического общества» [54]. Свой вклад в изучение проблем развития высшего образования внесли также историки [55] и экономисты [56].

В работах социологов на конкретном материале показан процесс сближения социального состава студенчества с социальной структурой населения в целом, что свидетельствует о расширении социальной базы формирования интеллигенции. В 1975 г. выходцы из рабочего класса составляли уже половину студенчества республики. С другой стороны, данные социологических исследований говорят о том, что успеваемость в средней школе, средняя оценка вступительных экзаменов и первой сессии в вузе у выходцев из рабочих ниже, чем у детей интеллигенции. Дети колхозников, в свою очередь, несколько отстают по способностям, как правило, не только от детей интеллигенции, но и от детей рабочих [57]. В итоге образовалась своеобразная иерархия социальной базы формирования отрядов интеллигенции разного профиля — на более широкой базе комплектуются контингенты массовых специальностей (инженеры, педагоги, специалисты сельского хозяйства); более узкой остается социальная база университетских специальностей, медицинской и в особенности творческой интеллигенции. Последняя даже проявляет тенденцию к самовоспроизводству.

Система среднего специального образования изучена гораздо скромнее, чем высшая школа [58]. Исследователя ожидает целый ряд вопросов, в том числе вопрос о социальных функциях этой системы, готовящей в современных условиях пополнение одновременно и квалифицированным рабочим кадрам, и кадрам специалистов. То же самое относится к системе профессионально-технического образования — и здесь основная работа еще впереди. Более пристального внимания требуют и классы общеобразовательной школы с расширенной программой обучения, а также социальная эффективность всеобщего введения производственного обучения в средней школе [59].

Изучению *процессов социальных перемещений* в нашей социологической и исторической науке до последнего времени уделялось незначительное внимание. Поэтому и работ по этой проблематике, как теоретических, так и конкретно-социологических мало [60]. Свою роль в этом, конечно, сыграла и установка, что «... в марксистской социологии при анализе социальной структуры проблематика социальных перемещений имеет вторичное значение» [61]. Основное внимание при ее изучении уделяется горизонтальной мобильности — т. е. переходам работников из одних сфер труда в другие, из одного слоя или класса в другой. Вертикальная же мобильность — передвижение работников в результате роста их образовательного уровня, квалификации и т. д. внутри данного класса или слоя, менее изучена. Плодотворным, на наш взгляд, может оказаться системный анализ социальной мобильности, соединение анализа миграционных процессов с анализом социально-классовых перемещений, рассмотрение региональных и поселенческих перемещений на уровне социальных слоев и отрядов. Пока в республике имеются лишь отдельные публикации по данной тематике [62]. Поскольку в распоряжении исследователей нет официальных статистических данных о социально-классовой структуре миграционных потоков, изучение процессов изменения социальной структуры в результате социальных перемещений должно опираться, главным образом, на данные социологических исследований.

Всесоюзную известность получили работы Э. Ранника, в которых проанализирована социальная мобильность рабочих, колхозников, интеллигенции и служащих республики за 1968—1978 гг. [63]. Полученные им результаты показывают, что в данный период межклассовая социальная мобильность в республике снизилась в целом примерно на одну треть. В наибольшей степени снизилась мобильность специалистов, в меньшей — рабочего класса. Межклассовая мобильность колхозников несколько повысилась. Самой высокой остается мобильность

служащих [64]. Общая схема перемещений в начале 70-х годов выглядела следующим образом: колхозники пополняли ряды рабочих, рабочие — служащих, служащие — интеллигенцию, а последние, в свою очередь, — как рабочих, так и колхозников [65]. Повышается интенсивность территориальной мобильности и ее значение в формировании социального состава населения различных регионов и городов республики.

С социальной мобильностью неразрывно связана трудовая мобильность занятого населения. Результаты исследований мобильности работников в разных отраслях народного хозяйства подтверждают, что с развитием технического прогресса интенсивность трудовой мобильности не снижается, а наоборот — повышается [66]. Определенные результаты достигнуты в совершенствовании методики изучения факторов мобильности внутри поколений [67], в частности роли образовательного уровня в этом процессе [68]. К интересному выводу пришли в своей статье «Модель межпоколенной социальной мобильности» А. Кирх и Э. Саар [69]. Проведенный ими причинный анализ социального положения выпускников дневных средних школ 1966 г. по достижении ими 30-летнего возраста показал, что наиболее значимый признак определения социального положения индивида — его образование. Прямое влияние образования и социального положения родителей практически отсутствует, и можно говорить лишь о косвенном влиянии — это образование, которое они дают своим детям [69, с. 10].

В целом же проблемы воспроизводства социальной структуры Эстонии требуют дальнейшей разработки как в плане углубленного изучения его механизмов, так и в плане практического внедрения полученных результатов. В особенности это относится к основным классам общества — рабочим и колхозникам.

5. Преодоление культурно-бытовых различий

В сближении классов и социальных групп существенную роль играет выравнивание условий культуры и быта. Претворение в жизнь экономической политики КПСС, направленной на повышение материального благосостояния трудящихся, привело к значительному *выравниванию бытовых условий* представителей различных социальных групп. Об этом свидетельствуют результаты проведенных в республике социологических исследований [70]. Бытовые приборы, получившие широкое распространение, стали уже малодифференцирующим элементом домашней среды. Это относится и к предметам культурного назначения. В некоторой степени признаком социальной принадлежности может быть домашняя библиотека. Те слои населения, которые и раньше владели библиотеками (интеллигенция, служащие), за 70-е годы значительнополнили их. Количество книг у рабочих и колхозников почти не увеличилось, поэтому можно считать, что диспропорция между социальными группами в этом плане продолжает расти [71].

Весьма перспективным подходом к исследованию проблем материального благосостояния представляется типологический, примененный в работах Т. Сильдмэ. Путем установления взаимосвязей между различными предметами, ему удалось выявить основные стереотипы домашней предметной среды. Так, например, выяснилась следующая взаимосвязь — человек, имеющий дачу, имеет, как правило, и легковушку, а отсутствие дачи в большинстве случаев предполагает и отсутствие машины. С точки зрения проблем социальной дифференциации, представляет большой интерес проведенная Т. Сильдмэ типологизация семей — потребителей предметов длительного пользо-

вания — выявление основных типов потребительского поведения. Автор пришел к выводу о выравнивании условий домашней среды, дифференцированность которых определяется индивидуальными причинами в большей степени, нежели принадлежностью к определенной социальной группе, а имеющиеся вариации внутри социальных групп объясняются скорее не различиями в доходе, а направленностью жизнедеятельности, формами удовлетворения потребностей и значимостью различных благ для личности. Например, семья, отличительный признак которой — ориентировка на приобретение легковой машины, характеризуется, как правило, наличием в доме принадлежностей для охоты и рыбной ловли и отсутствием произведений искусства и музыкальных инструментов. Высокий жизненный уровень, не только вытекающий из социального положения, но и характеризующий ныне фактически все категории советских людей, приводит, так или иначе, к индивидуализации путей расширения предметной среды.

Начата также работа по исследованию проблем материального благосостояния в историко-партийном плане [72]. Неуклонное повышение уровня образования и материального благосостояния трудящихся, улучшение их квартирных условий и обеспеченность материальными средствами культуры положительно отражаются на уровне *активности различных социальных групп в сфере культуры* [73]. Особенно характерно повышение интереса трудящихся к расширению кругозора, причем несколько быстрее этот интерес возрастает у работников физического труда. Однако разная степень приобщения к более сложным видам искусства (театр, серьезная музыка, изобразительное искусство), обусловленная различным уровнем образования, сохранилась. Различаются интенсивность и содержание потребления культуры, предпочтения и художественный вкус. Выравнивание интереса городских и сельских жителей к изобразительному искусству пока минимально [74]. Увлечение художественной самодеятельностью возросло в 70-х годах только среди интеллигенции и служащих, вследствие чего диспропорция между работниками физического и умственного труда даже увеличилась [75]. Следовательно, культурные различия между социальными группами трудового населения Эстонии остаются пока существенными. Их стирание, по всей вероятности, займет больше времени, чем стирание бытовых различий.

Исследования показывают, что общность социально-экономических условий и культурной обстановки, единая идейно-политическая работа партии способствуют все большему утверждению в развитии социалистическом обществе коммунистического мировоззрения и гомогенизации *структуры ценностных ориентаций* [76]. Центральное место занимает ориентация на самоусовершенствование в трудовой, общественной и культурной сферах (а не ориентация на семью или развлечения). У колхозников, однако, эта центральная ориентация слабее сочетается с ориентацией на профессиональную деятельность и, наоборот, сильнее — с ориентациями в нетрудовой сфере (физкультура, искусство, хобби). Интеллигенция ориентируется на профессиональную деятельность чаще, чем остальные социальные группы. Общая динамика ценностных ориентаций во всех социальных группах ведет, однако, к усилению ориентации на профессиональную деятельность и ослаблению ориентации на материальное благополучие [77].

Определенная противоречивость процесса стирания межклассовых и внутриклассовых культурно-бытовых различий, более быстрое выравнивание экономического положения людей с различным социальным статусом, чем преодоление различий в их уровне культуры и духовном мире ставит перед социологами ряд серьезных проблем. Прежде всего — задачу более системного, углубленного анализа этих явлений,

установления максимально полной картины взаимосвязей и взаимобусловленностей между материальным положением и духовным миром человека, благополучием и социальной активностью. Необходимо решить эти проблемы и в плане партийного руководства указанным процессом.

6. Заключение

Данный в статье краткий обзор основных направлений изучения социальной структуры Эстонии в период зрелого социализма позволяет сделать вывод о заметном возрастании интереса к этой тематике со стороны различных общественных наук в середине 70-х годов. Это способствует созданию необходимых предпосылок для осуществления системного, комплексного подхода к проблемам социальной динамики республики в будущем.

На современном этапе наиболее существенных результатов в изучении развития рабочего класса добились историки, в разработке проблем высшей школы и социальных перемещений — социологи. Проблемы сельской жизни глубоко раскрыты в социально-географическом и экономическом плане. Часть этих исследований получила уже и общесоюзную известность. Наглядно об этом свидетельствовала проведенная в октябре 1981 г. в Таллине всесоюзная научная конференция «Развитие социальной структуры советского общества».

Это, конечно, не означает, что решены все проблемы изучения социальной структуры Эстонии. Некоторые из них и не ставились. Большого внимания заслуживают вопросы сближения классов и социальных групп в историко-партийном аспекте, с точки зрения опыта Компартии Эстонии по руководству социальным развитием республики, укрепления социальной базы партии.

Не всегда в работах по социальной структуре можно найти, помимо ответа на вопрос: «Как изменяется?», ответ на вопрос: «Почему изменяется?». Это относится, конечно, не только к работам нашей республики. Очень правильно, на наш взгляд, отметил М. Титма: «Для науки и практики нужны не заверения социологов, что мы на правильном пути, а знание хода реальных процессов, чтобы использовать его в деле повышения научного уровня управления» [78].

Даже невооруженным глазом можно заметить, что каждая из наук, изучающих социальную динамику Эстонской ССР, занимается весьма узким ее аспектом или фрагментом. С одной стороны, это вполне понятно, ибо у каждой науки своя специфика, свой предмет, специфическая источниковая база и методика исследования. Но, с другой стороны, это отнюдь не объясняет, почему, например, состав рабочего класса изучается главным образом в историческом аспекте, воспроизводство интеллигенции — в социологическом, а проблемы состава интеллигенции и воспроизводства рабочего класса до сих пор не получили должного освещения. Ни у социологии, ни у истории нет, по всей вероятности, такой специфики, которая не позволяла бы первой из них заняться изучением рабочего класса, а второй, например, приступить к написанию исторического очерка об эстонской интеллигенции. Скорее всего это вопрос организационного и координационного характера.

В итоге хотелось бы подчеркнуть, что благодаря результативности научных изысканий историков, социологов, географов, демографов и экономистов, изучение социальной структуры Эстонской ССР за последние годы значительно продвинулось вперед. Есть все основания полагать, что ученые-обществоведы нашей республики сумеют успешно выполнить те сложные задачи, которые выдвинул в этой области XXVI съезд КПСС,

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 39, с. 15.
2. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
3. В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; В. И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества в переходный период. М., 1973; Ежов В. А. В. И. Ленин о ведущей роли рабочего класса в социалистическом обществе. Л., 1969; Матюгин А. А. В. И. Ленин об исторической роли рабочего класса. М., 1974 и др.
4. Бу слов К. П. Социально-историческое развитие классов в СССР. Минск, 1979; Изменения социальной структуры советского общества. (Октябрь 1917—1920). М., 1976; Изменения социальной структуры советского общества. (1921—середина 30-х годов). М., 1979; Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества. (1938—1970). М., 1973; Амвросов А. А. От классовой дифференциации к социальной однородности. М., 1978; Руткевич М. Н. Тенденции развития социальной структуры советского общества. М., 1975; Руткевич М. Н. Сближение классов и социальных групп на этапе развитого социализма в СССР. М., 1976; Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М., 1980; Руткевич М. Н. XXVI съезд КПСС и вопросы социального развития советского общества. М., 1981; Семенов В. С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977; Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1976; Формирование социальной однородности социалистического общества. М., 1981 и др.
5. Антов Н. А. Советский рабочий. М., 1981; Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л. Рабочий класс — ведущая сила советского общества. (Вопросы методологии и историографии). М., 1977; Крухмалев А. Е. Рабочий класс СССР. М., 1978; Рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1979; Рабочий класс развитого социалистического общества. М., 1974; Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма. М., 1975; Рабочий класс СССР. (1966—1970). М., 1979; Ежов В. А., Ваксер А. З., Труфанов И. П. Рабочий класс СССР в годы девятой пятилетки. (1971—1975). Л., 1978; Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов. (Социальные проблемы развития рабочего класса в социалистическом обществе). Часть I. М., 1981; Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971; Староверов В. И. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976; Староверов В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978; Булкин А. К. Инженерно-техническая интеллигенция в условиях развитого социализма. Л., 1978; Руткевич М. Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977; Советская интеллигенция: Краткий исторический очерк (1917—1975). М., 1977 и др.
6. Завтур А. А. Социальная структура Молдавии: Становление социально-политического единства. Кишинев, 1977; Зиле Л. Периоды и этапы строительства социализма и изменение социальной структуры общества. (На материалах Латвийской ССР). Рига, 1975; Турсунмухамедов С. Великий Октябрь и изменение социальной структуры Советского Узбекистана. Ташкент, 1977 и др.
7. Гельбрас В. Г. Социально-политическая структура КНР. 50—60-е годы. М., 1980; Миккульский К. И. Классовая структура общества в странах социализма. М., 1976; Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М., 1976 и др.
8. Бунин И. М. Буржуазия в современном французском обществе: Структура. Психология. Политические позиции. М., 1978; Песчанский В. В. Служащие в буржуазном обществе. (На примере Англии). М., 1975; Рабочий класс в социальной структуре индустриально развитых капиталистических стран. М., 1977; Особенности воспроизводства рабочего класса развитых капиталистических стран. М., 1978; Семенов В. С. Капитализм и классы: Исследование социальной структуры современного капиталистического общества. М., 1969 и др.
9. Пуллат Р. Социальная структура Советской Эстонии. Сравнительно-исторический анализ основных тенденций развития. Таллин, 1976; Pullat, R. Nõukogude Eesti ühiskonna sotsiaalse struktuuri peamised arengujooned. Tallinn, 1977; Pullat, R. Eesti NSV sotsiaalne struktuur ja rahvasaadikute koosseis. — В кн.: Oktoobrirevolutsioonist arenenud sotsialismi põhiseaduseni Eestis. Tallinn, 1981, с. 183—209; Pullat, R., Siilivask, K. Nõukogude Eesti sotsiaalne struktuur. — ENSV TA Toim. Ühisk., 1977, т. 26, № 1, с. 13—21; № 2, с. 142—156.
10. Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979; Какх Ю. Ю., Ранник Э. Э. Советская Эстония сегодня. (По материалам социологических исследований социально-культурного развития республики). — В кн.: Проб-

лемы социального развития. Часть I. Материалы к IX ВСК. М., 1978, с. 167—173.

11. Пуллат Р. Н. Динамика социальной структуры республик Советской Прибалтики в период развитого социализма. — В кн.: Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики. (Сборник статей). Таллин, 1978, с. 28—57; Пуллат Р. Н. Основные сдвиги в социальной структуре Советской Прибалтики в период развитого социализма. — В кн.: 40 лет Прибалтийским республикам Союза ССР. (Тез. докл. и сообщ. Всесоюзн. науч. конф.). Вильнюс, 1980, с. 217—221; Титма М. Х., Кенкманн П. О., Аймре И. А. Развитие социальной структуры Прибалтийских республик СССР. — В кн.: Социология и проблемы социального развития. М., 1978, с. 129—140; Янвярк Э. Э. Основные изменения в социальной структуре населения Советских республик Прибалтики. (По данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.). — История СССР, 1976, № 5, с. 119—137.
12. Кенкманн, Р. Sotsialistliku ühiskonna sotsiaal-klassiline struktuur NSV Liidus. — В кн.: Blum, R., Кенкманн, Р., Matjus, Ü. Klassid, klassisuhted, kaasaeg. Tallinn, 1981, с. 193—249.
13. Какх Ю. Черты сходства. Таллин, 1974.
14. Маамяги В. А. Развитие межнациональных отношений в Эстонии. — Коммунист Эстонии, 1981, № 9, с. 20—27; Халлик К. С. Некоторые вопросы развития национально-социальной структуры горожан. — В кн.: Особенности пополнения основных отрядов интеллигенции. Таллин, 1981, с. 61—81.
15. Какх Ю. Ю., Ранник Э. Э. Советская Эстония сегодня, с. 173.
16. Шишов Л. Д. Руководящая роль КПСС в формировании социальной структуры республик Советской Прибалтики в период развитого социализма. — В кн.: Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики, с. 7—27; Сыгел У. Об опыте Компартии Эстонии по руководству социальным развитием сельского населения. — В кн.: Борьба Коммунистической партии Эстонии за советскую власть, за социализм и коммунизм. (Тез. докл. респ. науч. конф.). Таллин, 1981, с. 14—16; Adamson, K. NLKP sotsiaal-poliitika ning parteikomiteede tegevussuunad. — Eesti Kommunist, 1982, № 2, с. 23—27.
17. Кооп А. В. Политика КПСС в формировании студенческого контингента высших учебных заведений. — В кн.: Социальная и профессиональная ориентация молодежи в условиях развитого социалистического общества в СССР. Таллин, 1977, с. 94—103; Дсисс Х. В. О партийном руководстве формированием студенческого контингента вузов Эстонской ССР в 1965—1970 гг. Автореф. канд. дис. Таллин, 1975; Гальте А. Деятельность республиканской партийной организации по регулированию социального состава студенчества (1966—1975 гг.). — В кн.: Борьба Коммунистической партии Эстонии за советскую власть, за социализм и коммунизм, с. 34—37.
18. Браун Э. Проблемы повышения эффективности партийного руководства социальным развитием трудовых коллективов. — В кн.: Борьба Коммунистической партии Эстонии за советскую власть, за социализм и коммунизм, с. 19—21; Braun, E. Eestimaa Kommunistliku Partei osast töökollektiivide sotsiaalse arengu suunamisel arenenud sotsialismi perioodil. — В кн.: Eestimaa Kommunistliku Partei 60. aastapäevale pühendatud teadusliku konverentsi ettekannete teesid. Tallinn, 1980, с. 51—55.
19. Шишов Л. Д. Компартия Эстонии — организатор коммунистического строительства в республике. Таллин, 1979; Sišov, L. Partei osatähtsuse tõus ja tema koosseisu kvalitatiivne paranemine on ühiskonna arengu objektiviivne seaduspärasus. — В кн.: Oktoobrirevolutsioonist arenenud sotsialismi põhiseadused Eestis, с. 153—165; Панксеев А. К. Изменения количественного и качественного состава Компартии Эстонии после XXIII съезда КПСС. — В кн.: Некоторые вопросы организационно-партийной работы. Таллин, 1971, с. 53—86; Панксеев А. К. Рост рядов и улучшение качественного состава Компартии Эстонии. — В кн.: Эффективность партийной работы. (Сборник статей). Таллин, 1981, с. 59—66; Роотс Х. Укрепление рабочего ядра Компартии Эстонии в условиях развитого социализма. — В кн.: Борьба Коммунистической партии Эстонии за советскую власть, за социализм и коммунизм, с. 9—11.
20. Аймре И., Титма М. Вопросы исследования социально-классовой структуры развитого социалистического общества. — В кн.: Проблемы социалистических общественных отношений. — Тр. Таллинского политехн. ин-та, 1978, № 436, с. 3—20; Титма М. Х. К вопросу о социальной дифференциации в развитом социалистическом обществе. — Социологические исследования, 1980, № 3, с. 35—43; Титма М. Х. Социальные перемещения как фактор развития социальной структуры общества. — В кн.: О формировании социальной однородности. (Материалы Всесоюзн. конф.). Таллин, 1981, с. 26—40; Титма М. Х. Некоторые проблемы исследования социальной структуры в развитом социалистическом обществе. — В кн.: Особенности пополнения

- основных отрядов интеллигенции, с. 5—31; Пароль В. И. Новые формы становления социальной однородности в условиях развитого социализма. — В кн.: Методологические вопросы исследования социальной структуры советского общества. (Материалы Всесоюз. науч. конф.). Вып. 1. М., 1981, с. 30—35; Пароль В. И. Основные тенденции совершенствования социального воспроизводства в условиях развитого социализма. — В кн.: О формировании социальной однородности, с. 76—83; Пароль В. И. Рабочие-служащие как пограничный слой социальной структуры социалистического общества. — В кн.: Особенности пополнения основных отрядов интеллигенции, с. 82—94.
21. Кукк Т. О некоторых вопросах внутриклассовой дифференциации социалистического общества. (Обзор литературы). — В кн.: О формировании социальной однородности, с. 47—54; Роотс Х. Проблемы внутриклассовой структуры рабочего класса в советской социологической и исторической литературе 60-х—70-х годов. — В кн.: Некоторые методологические и историко-ведческие проблемы исследования рабочего класса социалистического общества. Таллин, 1977, с. 5—22; Сыгел У. Аграрный отряд рабочего класса развитого социалистического общества (к историографии вопроса). — В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция. Актуальные проблемы советского общества. (Сборник статей). Таллин, 1978, с. 29—48.
22. Ундуск И. О социальной структуре советского общества. — Коммунист Эстонии, 1972, № 4, с. 14—23; Халлик К. Социальная структура развитого социалистического общества. — Коммунист Эстонии, 1975, № 10, с. 25—34; Рандметс Л. Ведущая сила нашего общества. — Коммунист Эстонии, 1972, № 11, с. 37—44; Рандметс Л. Рабочий класс в развитом социалистическом обществе. — Коммунист Эстонии, 1975, № 5, с. 58—64; Роотс Х., Всевиов Д. Развитие рабочего класса Эстонской ССР. — Коммунист Эстонии, 1977, № 3, с. 49—54; Roots, H., Vseviiov, D. Tööliiklassi osatähtsuse kasv Nõukogude ühiskonnas. — Kõsimused ja Vastused, 1976, № 12, с. 11—14; Roots, H., Vseviiov, D. Nõukogude ühiskonna sotsiaalsest struktuurist. — Looming, 1977, № 3, с. 469—477; Titma, M. Ühiskonna sotsiaalne struktuur. — В кн.: Kommunistlik Noorsooühing noorte elus. Tallinn, 1980, с. 91—104; Titma, M., Kenkmann, P. Noore põlvkonna probleemid. Tallinn, 1977; Töölisnoor ja meie elu. Tallinn, 1981; Juursoo, R., Pullat, R. A Brief History of the Estonian Working Class. Tallinn, 1981 (то же на немецком языке).
23. В борьбе за коммунистический труд. — Тр. Таллинского политехн. ин-та. Сер. Б, 1964, № 12; На пути от социализма к коммунизму. (Сборник статей). — Тр. Таллинского политехн. ин-та. Сер. Б, 1967, № 21; Рабочий класс Эстонии в условиях коммунистического строительства. (Сборник статей). — Тр. Таллинского политехн. ин-та. Сер. Б, 1969, № 30; Проблемы роста культурно-технического уровня рабочего класса Эстонской ССР. — Тр. Таллинского политехн. ин-та, 1973, № 349.
24. Кала К. К., Роотс Х. О. Развитие рабочего класса Советской Эстонии (1945—1975 гг.). — В кн.: Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики, с. 91—110; Кала К. К., Роотс Х. О. Качественные изменения в рабочем классе Советской Эстонии. — Коммунист Эстонии, 1980, № 7, с. 24—29; Роотс Х. Основные тенденции развития рабочего класса Эстонской ССР в условиях развитого социализма. — В кн.: КП Эстонии во главе рабочего класса и его союзников в период борьбы за советскую власть и строительство социализма. (Тез. докл. науч. конф.). Таллин, 1979, с. 55—60.
25. Кала К., Всевиов Д., Юурсоо Р. Рабочий класс ЭССР. Проблемы внутриклассового развития. — В кн.: Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики. (Материалы истор. конф.). Таллин, 1978, с. 69—81; Кукк Т. Изменения социально-экономической структуры рабочего класса. — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества. (Тез. докл. межресп. науч. конф.). Рига, 1980, с. 112—114; Пароль В. И. Изменения в социальной структуре производственного коллектива промышленности ЭССР за годы семилетки (1959—1965 гг.). (По данным историко-социологического исследования промышленности строительных материалов ЭССР). Автореф. канд. дис. Таллин, 1971; Роотс Х. Статистические источники по изучению внутриклассовой структуры рабочего класса Эстонской ССР в период развитого социализма. — В кн.: Некоторые методологические и историко-ведческие проблемы исследования рабочего класса социалистического общества, с. 23—33; Роотс Х. Рабочий класс Эстонской ССР в период развитого социализма. Совершенствование структуры. Автореф. канд. дис. Таллин, 1977; Роотс Х. Изменения в структуре рабочего класса Эстонской ССР в 1959—1975 гг. — В кн.: Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Таллин, 1979, с. 96—106; Янвярк Э. Э., Кала К. К. Освещение вопросов развития рабочего класса

- Эстонской ССР в период социализма советской историографией (1960—1980). — История СССР, 1981, № 6, с. 141—149.
26. Мадис Е., Гречкина Э. Рабочий класс — решающая сила десятой пятилетки. Таллин, 1978.
 27. Роотс Х. Социально-демографические группы в составе рабочего класса Эстонской ССР. — В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция, с. 8—28; Роотс Х. Формирование слоя рабочих-интеллигентов в рабочем классе Эстонской ССР. — В кн.: Молодежь и комсомол в социалистическом обществе. (Тез. докл. респ. конф.). Таллин, 1979, с. 29—32; Juursoo, R. Eesti NSV ehitustööliste kaadri kujunemise ja kasvu allikad aastail 1944—1970. — ENSV TA Toim. Ühisk., 1981, т. 30, № 2, с. 144—156.
 28. Китвель Т. А. Технический прогресс и содержание труда различных социальных групп. — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества, с. 29—32; Китвель Т. А. Состояние здоровья в связи с условиями труда различных социальных групп (по материалам Эстонской ССР). — В кн.: Социально-демографические группы и их развитие. (Материалы Всесоюз. науч. конф.). М., 1981, с. 34—36; Пуусеп М. Н. Проблемы культурного роста рабочих социалистического общества в ходе научно-технической революции. — В кн.: Проблемы роста культурно-технического уровня рабочего класса Эстонской ССР, с. 153—172; Ранник Э. Научно-технический прогресс и изменения в социальном положении рабочего класса. — В кн.: Труд и трудовая активность. Таллин, 1980, с. 6—26.
 29. Всевиов Д. Основные проблемы исследования формирования городских рабочих кадров (на материалах г. Нарвы). — В кн.: Некоторые методологические и историко-ведческие проблемы исследования рабочего класса социалистического общества, с. 34—54; Всевиов Д. Источники для изучения изменений в рабочем классе промышленного города (на материале г. Нарвы). — В кн.: Некоторые методологические и историко-ведческие проблемы исследования рабочего класса социалистического общества, с. 55—65; Всевиов Д. Формирование рабочего класса г. Нарвы в период социалистического и коммунистического строительства (1945—1970). Автореф. канд. дис. Таллин, 1977; Всевиов Д. Молодежь как источник пополнения рабочего класса (на основе г. Нарвы, 1944—1970). — В кн.: Молодежь и комсомол в социалистическом обществе, с. 22—28; Всевиов Д. Формы пополнения рабочих кадров промышленного города (на материалах г. Нарвы). В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция, с. 68—80.
 30. Леде Е. О некоторых вопросах изучения проблемы культурно-технического уровня рабочего класса. — В кн.: Проблемы роста культурно-технического уровня рабочего класса Эстонской ССР, с. 3—13; Роотс Х. Процесс перехода рабочего класса на всеобщее среднее образование. — В кн.: Социологические проблемы взаимодействия личности и социальных групп в условиях развитого социалистического общества. (Материалы науч. конф.). Сборник 5. Вильнюс, 1977, с. 54—60.
 31. Töölisnoor ja meie elu. Tallinn, 1981.
 32. Сийливаск К. Основные этапы развития советской историографии в Эстонской ССР. — Изв. АН Эстонской ССР. Обществ. н., 1980, № 3, с. 291; Сыгел У. Аграрный отряд рабочего класса развитого социалистического общества (к историографии вопроса). — В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция, с. 29—48; Сыгел У. Сдвиги в социальной структуре сельского населения Эстонской ССР на этапе развитого социализма. — Изв. АН Эстонской ССР. Обществ. н., 1980, т. 29, № 3, с. 257—266.
 33. Sotsialistliku põllumajanduse areng Nõukogude Eestis. Tallinn, 1976.
 34. Tõnurist, E. Eesti NSV põllumajanduse industrialiseerimine. Tallinn, 1974; Sepp, J. Põllumajanduse areng Nõukogude Eestis. — ENSV TA Toim. Ühisk., 1980, т. 29, № 3, с. 228—234 и др.
 35. Сыгел У. Социальная динамика сельского населения Эстонской ССР в период развитого социализма. Автореф. канд. дис. Таллин, 1981.
 36. Сыгел У. Сельский рабочий класс в социальной структуре сельского населения Эстонской ССР. — В кн.: Социологические проблемы взаимодействия личности и социальных групп в условиях развитого социалистического общества. Сборник 5. Вильнюс, 1977, с. 71—75; Тоом У. Изменения в структуре колхозного крестьянства Эстонской ССР в 1960—1965 гг. — В кн.: Тридцать лет по социалистическому пути. Часть 2. Вильнюс, 1979, с. 81—84; Тоом У., Шевцов В. Сельскохозяйственная интеллигенция Эстонской ССР в период развитого социализма. — В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция, с. 188—202; Шевцов В. Некоторые закономерности формирования сельскохозяйственной интеллигенции в 60-х—70-х годах. — В кн.: Второй всесоюзный семинар по исторической демографии. Рига, 1977, с. 43—45; Шевцов В. Некоторые тенденции развития сельской интеллигенции Эстонской

- ССР в период развитого социализма. — В кн.: КП Эстонии во главе рабочего класса и его союзников в период борьбы за советскую власть и строительство социализма, с. 73—76.
37. Р а н н и к Э. Э. Об изменениях в занятости и социальной структуре сельского населения Эстонской ССР в 1959—1970 гг. — В кн.: Социальная структура. Труд. Свободное время. Таллин, 1975, с. 10—27; Р а н н и к Э. Э. О некоторых чертах изменения социальной структуры сельского населения Эстонской ССР в 1959—1970 гг. — В кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1978, с. 234—259; Rannik, E. Maarahvastiku sotsiaalse struktuuri muutumisest teaduslik-tehnilise revolutsiooni tingimustes. — В кн.: Sotsialistliku põllumajanduse areng Nõukogude Eestis, с. 152—163.
38. Л а а с К. О социально-экономических предпосылок воспроизводства населения в городе и деревне. — Изв. АН Эстонской ССР. Обществ. н., 1980, т. 29, № 3, с. 247—256; Сыгел У. О некоторых демографических аспектах развития сельского населения Эстонской ССР в 1959—1970 годах. — В кн.: Второй Всесоюзный семинар по исторической демографии, с. 41—43; Сыгел У. Изменение численности и удельного веса молодежи в структуре сельского населения Эстонской ССР. — В кн.: Молодежь и комсомол в социалистическом обществе, с. 16—21; Тсопп Э. О демографическом развитии эстонской деревни. — В кн.: Проблемы деревни и города. Т. II. Таллин—Тарту, 1979, с. 95—98; Laas, K. Rahvastikuprotsessidest Eestis. Tallinn, 1978.
39. М а р к с о о А. Закономерности демографической динамики системы расселения Эстонской ССР. Опыт исследования системы расселения и социально-экономических территориальных комплексов. — Ученые записки Тартуского гос. ун-та, № 432. Тр. по геогр. 16, 1977, с. 50—87; Марксоо А. О роли миграции в развитии сельского расселения. — В кн.: Изучение проблем социально-экономической и социальной географии. Материалы научного совещания. Тарту, 1979, с. 110—125; Марксоо А. Причинная структура миграционных потоков в системе расселения Эстонской ССР. — Ученые записки Тартуского гос. ун-та, № 341. Тр. по геогр. 12, 1974, с. 32—45; Мурель В. Пути дальнейшего развития сельского расселения ЭССР. — Ученые записки Тартуского гос. ун-та, № 296. Тр. по геогр. 10, 1972, с. 66—85; Ныммик С., Мурель В. К изучению систем расселения. — Ученые записки Тартуского гос. ун-та, № 341. Тр. по геогр. 12, 1974, с. 3—14.
40. В и х а л е м П., Л ю о А. Об опыте социологического изучения сельской жизни в Эстонской сельхозакадемии. — В кн.: Проблемы деревни и города. Т. I, с. 62—68; Лойт Т., Л ю о А. Проблемы рабочей силы в сельском хозяйстве. — Коммунист Эстонии, 1979, № 1, с. 27—31; Малкен В. Некоторые вопросы воспроизводства рабочей силы в сельском хозяйстве (по материалам ЭССР). Автореф. канд. дис. Тарту, 1975; Метса А. Проблемы воспроизводства рабочей силы специалистов сельского хозяйства в условиях научно-технического прогресса. (На базе материалов Эстонской ССР). Автореф. канд. дис. Тарту, 1975; Асташкин А. Переустройство эстонской деревни. Таллин, 1974.
41. Вестник статистики, 1981, № 1, с. 67.
42. Pullat, R., Krikk, M. Haritlaskonna kui sotsiaalse kihi arenguiooni Nõukogude Eestis. — Nõukogude Kool, 1976, № 2, с. 99—108; Kenkmann, P. Noored spetsialistid ja teadlased. — В кн.: Kommunistlik Noorsooühing noorte elus, с. 260—269; Pilt, V., Kenkmann, P. Loominguline noorsugu. — В кн.: Kommunistlik Noorsooühing noorte elus, с. 269—275.
43. К р и к к М. А. Формирование технической интеллигенции Советской Эстонии. — Коммунист Эстонии, 1977, № 9, с. 43—51; Крикк М. А. Источники пополнения рядов технической интеллигенции Эстонской ССР (1959—1975 гг.). — В кн.: Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики, с. 234—244; Крикк М. А. Формирование и развитие технической интеллигенции Советской Эстонии (1944—1970 гг.). Автореф. канд. дис. Тарту, 1978; Крикк М. А. Изменения в составе технической интеллигенции Эстонской ССР. (По данным переписей населения). — В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция, с. 173—187.
44. Т о о м У., Ш е в ц о в В. Сельскохозяйственная интеллигенция Эстонской ССР в период развитого социализма. — В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция, с. 188—202; Шевцов В. Некоторые тенденции развития сельской интеллигенции Эстонской ССР в период развитого социализма. — В кн.: КП Эстонии во главе рабочего класса и его союзников в период борьбы за советскую власть и строительство социализма, с. 73—76.
45. М а р т и н с о н К. А. О формировании научной интеллигенции в Советской Эстонии. — В кн.: Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики, с. 203—217; Martinson, K. Teadlane ja teaduslik publikatsioon Eesti NSV-s. Tallinn, 1973; Mereste, U. Nõukogude Eesti teadlaskond teaduserevolutsiooni ajastul. Tallinn, 1976; Laas, J. Eesti NSV teadusasutuste

koosseisust, arengudünaamikast ning nende peamistest parameetritest ühek- sandal viisaastakul. — В кн.: Teaduse, tehnika ja tehnilise mõtte ajaloo probleeme Eestis. Konverentsi materjale. Tallinn, 1976, lk. 3—4; Laas, J. Loov- töö tõhususest teaduses ja tehnikas. — Looming, 1978, № 9, с. 1522—1542.

46. Айме И. А., Або В. А. Изменение структуры интеллигенции ЭССР в период строительства развитого социализма. — В кн.: Особенности пополнения основных отрядов интеллигенции, с. 45—60.
47. Келам А. Структура и функции семьи. — В кн.: Труд женщин и семья. (На материалах Эстонской ССР). Таллин, 1978, с. 43—100; Келам А. Изменения в структуре эстонской семьи в период 1973—1978 гг. — В кн.: Социально-демографические группы и их развитие, с. 55—58; Келам А. Изменения в структуре семьи в период 1973—1978 годов. — В кн.: О формировании социальной однородности, с. 180—188; Kalam, A. Eesti NSV perekond: sotsioloogiline portree. Tallinn, 1980.
48. Кенкманн П. О., Кирх А. В., Саарнийт Ю. Р. Воздействие социально- происхождения на социально-профессиональную ориентацию. — В кн.: Высшая школа и социально-профессиональная ориентация учащейся молодежи. Часть II. Тарту, 1975, с. 326—378; Kenkman, P. Sotsialistliku ühiskonna sotsiaal-klassiline struktuur NSV Liidus, с. 238—239.
49. Айме И. А. Роль семьи в изменении социальной структуры общества в условиях развитого социализма. (На материалах Эстонской ССР). Автореф. канд. дис. М., 1976; Айме И. А. Воздействие семьи на формирование кадров специалистов с высшим образованием. — В кн.: Социальная и профессиональная ориентация молодежи в условиях развитого социалистического общества в СССР, с. 120—129; Айме И. А. Занятость женщин и их социальное положение в социалистическом обществе. — В кн.: Труд женщин и семья, с. 23—42; Титма М. Х., Айме И. А. Семья как фактор развития социальной однородности новой исторической общности. — В кн.: Советский народ — строитель коммунизма. Часть I. Фрунзе, 1977, с. 234—243; Кенкманн П. О., Кирх А. В. Исследование воздействия социального происхождения на формирование нового пополнения кадров специалистов. — В кн.: Улучшение подбора контингента студентов и повышение эффективности учебного процесса: Проблемы высшей школы. Вып. III. Тарту, 1979, с. 21—29.
50. Кирх А. В. Воздействие факторов среды на социальную ориентацию студенческой молодежи. — В кн.: Социальная и профессиональная ориентация молодежи в условиях развитого социалистического общества в СССР, с. 130—139; Кирх А. В. Влияние социального происхождения на социальное самоопределение учащейся молодежи. Автореф. канд. дис. М., 1979; Кирх А. В. Влияние социального происхождения на формирование основных групп специалистов. — В кн.: Особенности пополнения основных отрядов интеллигенции, с. 95—111; Рооссон А. Х. Сближение разных социальных групп и социальный состав семьи. — В кн.: О формировании социальной однородности, с. 84—89 и др.
51. Tõõlisnoog ja meie elu, с. 29—36.
52. Кооп А. В. Роль высшего образования в изменении социальной структуры развитого социалистического общества. Тарту, 1975; Кооп А. В. Об основных функциях образования в условиях развитого социализма. — В кн.: Улучшение подбора контингента студентов и повышение эффективности учебного процесса, с. 4—20; Кооп А. В. Роль университетов в формировании социальной структуры социалистического общества. — В кн.: Особенности пополнения основных отрядов интеллигенции, с. 32—44; Кооп А. В., Дсисс Х. В., Кенкманн П. О. Место и роль высшей школы в социалистическом обществе. — В кн.: Высшая школа и социально-профессиональная ориентация учащейся молодежи. Часть I. Тарту, 1975, с. 7—27; Кооп А. В., Айме И. А., Дсисс Х. В., Кирх А. В. Сдвиги в структуре населения Эстонской ССР и их выражение в составе студенческого контингента вузов. — В кн.: Высшая школа и социально-профессиональная ориентация учащейся молодежи. Часть I, с. 28—51; Айме И. А., Кенкманн П. О., Кирх А. В. Проблемы воспроизводства социальной структуры общества через высшую школу. — В кн.: Высшая школа и социально-профессиональная ориентация учащейся молодежи. Часть I, с. 52—85; Дсисс Х., Кенкманн П. Особенности университета в формировании социального состава студенчества (на материалах Эстонской ССР). — В кн.: Социальная характеристика новых отрядов интеллигенции. Вильнюс, 1979, с. 7—20; Дсисс Х. В. Некоторые тенденции изменений в социальном составе студенческого контингента вузов Эстонской ССР за 1966—1977 годы. — В кн.: Особенности пополнения основных отрядов интеллигенции, с. 118—131; Веэрманн Р. Сравнительный анализ некоторых факторов, воздействующих на формирование контингента высшей школы. — В кн.: Социальная характе-

- ристка новых отрядов интеллигенции, с. 21—31; Паутс И. Особенности формирования педагогов как отряда интеллигенции. — В кн.: Социальная характеристика новых отрядов интеллигенции, с. 142—157; Кирх А. Проблема взаимодействия социальной структуры и системы народного образования (на материалах Эстонской ССР). — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества, с. 261—265; Сукамяги А. Способности молодежи и формирование социального состава студенчества. — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества, с. 273—275; Крик де Матео С. К исследованию общих и специфических черт формирования групп специалистов с высшим образованием в Прибалтийских республиках. — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества, с. 275—277 и др.
53. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М., Наука, 1978.
 54. Социальная характеристика новых отрядов интеллигенции. Вильнюс, 1979; Социальные перемещения в студенчество. Вильнюс, 1982.
 55. Schmidt, E. Kõrgema hariduse areng Nõukogude Eestis. Tallinn, 1971.
 56. Hagelberg, R. Spetsialist. Ühiskond. Progress. Tallinn, 1973; Hagelberg, Kõrgkool, ühiskond, progress. Tallinn, 1979.
 57. Сукамяги А. Способности молодежи и формирование социального состава студенчества, с. 274.
 58. Тальте Л. Э.-Х. Что влияет на формирование сельскохозяйственных кадров со средним образованием. — Коммунист Эстонии, 1972, № 4, с. 75—89; Тальте Л. Э.-Х. Проблемы формирования специалистов со средним сельскохозяйственным образованием в Эстонской ССР. Автореф. канд. дис. Тарту, 1973.
 59. Sõgel, U. Noored, haridus ja sotsiaalne struktuur. — Nõukogude Kool, 1980, № 3, с. 25—28.
 60. Титма М. Х. Социальные перемещения как фактор развития социальной структуры общества. — В кн.: О формировании социальной однородности, с. 26—40; Ранник Э. Э. Социальные перемещения трудящихся в Эстонской ССР как фактор развития социальной структуры (1968—1973 гг.). — В кн.: Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики, с. 84—90; Ранник Э. Э. О тенденциях развития межклассовой социальной мобильности в Эстонской ССР за 1968—1978 гг. — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества, с. 8—10 и др.
 61. Титма М. Х. Социальные перемещения как фактор развития социальной структуры общества, с. 27.
 62. Марксоо А., Тонсивер Х. Урбанизация и миграция в Эстонской ССР. — В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция, с. 81—103; Ранник Э. Э. Территориальные перемещения трудового населения Эстонской ССР и их социальные последствия. — В кн.: О формировании социальной однородности, с. 67—76; Тонсивер Х. Миграция как элемент социальной мобильности. — В кн.: Отражение научно-технического прогресса в общественных отношениях. Таллин, 1972, с. 12—31.
 63. Ранник Э. Э. Социальные перемещения населения за 1968—1973 годы в Эстонской ССР. — Социологические исследования, 1977, № 2, с. 83—84; Ранник Э. Э. О результатах социальных перемещений трудящихся в Эстонской ССР за 1968—1973 годы. — В кн.: Социологические проблемы взаимодействия личности и социальных групп в условиях развитого социалистического общества. Сборник 5, с. 15—22.
 64. Ранник Э. Э. О тенденциях развития межклассовой социальной мобильности в Эстонской ССР за 1968—1978 гг., с. 8, 9.
 65. Ранник Э. Э. Социальные перемещения трудящихся в Эстонской ССР как фактор развития социальной структуры, с. 88.
 66. Кадакас Л. О связи трудовой мобильности с экономическими показателями Таллинских промышленных предприятий. — В кн.: Социальная структура. Труд. Свободное время, с. 47—52; Пароль В. К вопросу об устойчивости и подвижности рабочих кадров. (Историко-социологическое исследование по данным промышленности строительных материалов ЭССР за 1959—1965 гг.). — Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1971, т. 20, № 4, с. 371—385; Ранник Э. Э. Трудовая мобильность в сельском хозяйстве в условиях научно-технического прогресса. — В кн.: Социальная структура. Труд. Свободное время, с. 28—46.
 67. Саар Э. О методике исследования внутрипоколенных социальных перемещений. — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества, с. 57—59; Саар Э. Применение причинного анализа для моделирования внутрипоколенных социальных перемещений. — В кн.: О формировании социальной однородности, с. 89—93.
 68. Ранник Э. Э. Воздействие образования на социальные перемещения. — В кн.: Социальная и профессиональная ориентация молодежи в условиях развитого социалистического общества в СССР, с. 114—119.

69. Кирх А., Саар Э. Модель межпоколенной социальной мобильности (опыт генетического исследования молодежи в Эстонской ССР в 1966—1979 гг.). — В кн.: Город как среда жизнедеятельности человека. (Материалы второй науч. конф. социологов Прибалтики). Вып. II. Вильнюс, 1981, с. 6—10.
70. Тоомель К. Выравнивание бытовых условий трудящихся ЭССР за 1966—1978 гг. — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества, с. 77—80; Сильдмяэ Т. И. Математико-статистический анализ предметно-вещной среды жизнедеятельности. — В кн.: Социальные показатели образа жизни советского общества. М., 1980, с. 193—206; Титма М. Х., Сильдмяэ Т. И. Описательные возможности домашней предметной среды как выразителя жизненной ориентированности респондентов. — В кн.: Формирование молодежного сознания. Таллин, 1978, с. 75—97; Наруск А. Х. Семья с детьми: Материальные условия. — В кн.: О формировании социальной однородности, с. 188—198.
71. Тоомель К. Выравнивание бытовых условий трудящихся ЭССР за 1966—1978 гг., с. 79.
72. Гармак Т. Дальнейший рост народного благосостояния — высшая цель экономической политики КПСС. — В кн.: Борьба Коммунистической партии Эстонии за советскую власть, за социализм и коммунизм, с. 12—14.
73. Ярве М. К. Об изменениях культурной активности у представителей физического и умственного труда за 1966—1978 гг. — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества, с. 34—37; Ярве М. К. Изменения в структуре культурной деятельности представителей различных социальных групп в условиях развитого социализма. — В кн.: О формировании социальной однородности, с. 176—180; Ярве М. К. Художественная самодеятельность в городе. — В кн.: Город как среда жизнедеятельности человека, с. 65—68; Хансен Х. Х. Домашние библиотеки у различных групп населения. — В кн.: О формировании социальной однородности, с. 204—212; Хансен Х. Х. Домашние библиотеки в городе и деревне. — В кн.: Город как среда жизнедеятельности человека, с. 68—70; Лайдмяэ И. Об изменениях в интересе к изобразительному искусству у различных социальных групп населения Эстонской ССР. — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества, с. 37—40; Ранник Э. Сближение уровня культуры города и деревни в Эстонской ССР. — В кн.: Проблемы развития культуры в условиях индустриального региона. Таллин, 1977, с. 165—186; Arst, H. Linna ja maa vaheliste oluliste erinevuste tasandumise Eestis NSV-s vaimse kultuuri valdkonnas (1966.—1970. a.). — Etnograafiamuuseumi aastaraamat, 1975, т. 28, с. 52—73.
74. Лайдмяэ И. Об изменениях в интересе к изобразительному искусству у различных социальных групп населения Эстонской ССР, с. 39.
75. Ярве М. К. Изменения в структуре культурной деятельности представителей различных социальных групп в условиях развитого социализма, с. 179.
76. Бойков В., Пароль В. К вопросу о типологии социальных групп в зависимости от ценностных ориентаций в свободное время (по материалам социологического обследования на одном из машиностроительных заводов г. Таллина). — В кн.: Отражение научно-технического прогресса в общественных отношениях, с. 54—65; Эрме И. Ф. О структуре ценностных ориентаций в различных социальных группах занятого населения Эстонской ССР. — В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества, с. 32—34; Эрме И. Ф. Ценностные ориентации, их структура и динамика в различных социальных группах трудового населения Эстонской ССР. — В кн.: Социально-территориальные различия в советском обществе и их преодоление. (Материалы Всесоюз. науч. конф.). М., 1981, с. 57—59.
77. Эрме И. Ф. Ценностные ориентации, их структура и динамика в различных социальных группах трудового населения Эстонской ССР, с. 58.
78. Титма М. Х. К вопросу о социальной дифференциации в развитом социалистическом обществе, с. 35.

Представил В. Маамяги

*Институт истории партии
при ЦК КП Эстонии*

Поступила в редакцию
13/1 1982

EESTI NSV SOTSIAALNE STRUKTUUR ARENENUD SOTSIALISMI AJAL:
MÕNINGAID UURIMISTULEMUSI JA PROBLEEME

Artiklis on vaadeldud Eesti NSV sotsiaalse struktuuri uurimise peamisi suundi käesoleval ajal. Uurimistöö elavnes märgatavalt 1970. aastate teisel poolel, mil ilmusid ka esimesed üldistavad tööd (J. Kahk, R. Pullat, E. Rannik, K. Siilivask). Vabariigi töölisklassi arengu käsitlemisel on märkimisväärsed tulemused saavutanud ajaloolased (R. Juursoo, H. Roots, D. Vseviiov), kõrgkooli ja sotsiaalse mobiilsuse uurimisel sotsioloogid (I. Aimre, P. Kenkmann, A. Kirch, A. Koop, E. Rannik, M. Titma jt.). Maa-rahvastiku sotsiaalseid probleeme on valgustatud põhiliselt sotsiaal-geograafilisest (A. Marksoo, V. Murel, S. Nõmmik) ja sotsiaal-majanduslikust (A. Astaškin, V. Malken, A. Metsa, J. Sepp, E. Tõnurist jt.), aga ka ajaloolisest aspektist (U. Sögel, V. Sevtsov, U. Toom). Vabariigi sotsiaalse arengu süsteemsema käsitluse huvides oleks koostöö edasine süvenemine eri teadusharude ja -keskuste vahel, nende tegevuse sisuline koordineerimine.

EKP Keskkomitee Partei Ajaloo Instituut

Toimetusse saabunud
13. I 1982

H. ROOTS, U. SÖGEL

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE ESTONIAN SSR AT THE STAGE
OF DEVELOPED SOCIALISM: SOME RESULTS AND PROBLEMS
OF INVESTIGATION

The article deals with the main modern trends of investigation of the social structure of the Estonian SSR at the stage of developed socialism. A progress in the relevant social studies occurred in the second half of the 70s when the first generalizing papers appeared (by J. Kahk, R. Pullat, E. Rannik, K. Siilivask). Remarkable results in the research into the Estonian working class were attained by historians (R. Juursoo, H. Roots, D. Vseviiov); researches into the higher school and social mobility were developed mainly by sociologists (I. Aimre, P. Kenkmann, A. Kirch, A. Koop, E. Rannik, M. Titma, and others). The social problems of the rural population were analyzed chiefly in sociogeographical (A. Marksoo, V. Murel, S. Nõmmik) and socio-economical aspects (A. Astashkin, V. Malken, A. Metsa, J. Sepp, E. Tõnurist, and others), and also to a certain extent by historians (U. Sögel, V. Shevtsov, U. Toom). Further development of social studies presupposes a closer cooperation between different fields and centres of investigation, and better coordination.

*Central Committee
of the Communist Party of Estonia,
Institute of Party History*

Received
Jan. 13, 1982